

ВЛАДИМИР БУРКАТ

издательство
Геликон Плюс

пройди
свой путь

Владимир Буркат
Пройди свой путь

«Геликон Плюс»

2016

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Буркат В. С.

Пройди свой путь / В. С. Буркат — «Геликон Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-043-9

«Как лоб, набитый шишками, ни хмурь, Как ни мечтай передохнуть
в нирване, Пройди свой путь от гамлетовских бурь До фаустовских
разочарований...»

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-043-9

© Буркат В. С., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Владимир Соломонович Буркат

Пройди свой путь

© Буркат В. С., текст, 2016

© «Геликон Плюс», макет, 2016

* * *

«Как мало изменился мир...»

*Быть иль не быть? Вот в чем вопрос...
Гамлет, принц Датский. В. Шекспир «Гамлет»*

Как мало изменился мир,
И драмы те же и заботы,
Да, если б нынче жил Шекспир,
Он не скучал бы без работы.

Задень соседа невзначай,
И в нем тотчас проснется Яго,
А утром с Лиром пил я чай,
Детьми обманутым беднягой.

Отеллы душат Дездемон —
Не так руками, сколько бытом,
Фальстаф не удивит умом,
Но пьян, как прежде, и упитан.

Нет, мной и Гамлет не забыт,
Но не встречал, такая жалость,
Давно уж каждый хочет быть,
А чтоб «не быть» – другим досталось.

Бей, Гамлет, бей! За тех, кто не решился!
Бей, Гамлет, бей! За тех, кто не успел!
За тех, кто навсегда с обидой сжился,
За тех, чей крик на сотню децибелл.

За слезы Исикава Такубоку,
Что сохнут на песчаном берегу,
За речку Черную, хотя с какого боку?
Но капли крови стыннут на снегу.

Коли! Конец клинка пропитан ядом.
Один укол, и больше нет того,
Чья тень зловещая всю жизнь с тобою рядом,
Семь вниз ведущих адовых кругов.

Клинок пройдет сквозь время и пространство!
Ты не один – старинное копьё
Готовят Дон Кихот и Санчо Панса,
И Ланцелот мечом Дракона бьёт.

Шекспир глядит из деревянной рамы,

За ним не Темзы волны, а Невы,
А Гамлет машет нам рукой из драмы:
«Я сделал всё, что мог. А дальше – вы!»

«Соседа рядом не поймешь...»

Соседа рядом не поймешь,
А как узнать, какая сила
Вложила Бруту в руки нож
И на убийство вдохновила?

Жена – закрытая тетрадь,
Друг удивляет то и дело,
А как, поведайте, узнать,
Велик ли Гамлет или мелок,

Казнил ли он коварный век,
Дырявя груди, как подушки,
Или, обычный человек,
Мстил за обиду, как в пивнушке?

В любом движении души
Тьма неразгаданных желаний,
Не хочешь разочарований —
Так разгадать их не спеши!

«Тепло в трамвае и светло...»

Не суетись, не хлопочи...

Ф. Тютчев

Тепло в трамвае и светло,
И отопленье греет ляжку,
Я вол, запряженный в упряжку,
А мир – оконное стекло.

Наверное, не без причин
Старик угрюмый и печальный
Оставил нам завет прощальный:
«Не суетись, не хлопочи...»

Все суета и все пройдет,
Но сердце этого не знает,
Само болит и замирает
И мне покоя не дает.

«Как много камней брошено в меня...»

*Уж столько камней брошено в
меня,
Что больше ни один уже не
страшен.*

А. Ахматова

Как много камней брошено в меня,
И все летят, и каждый новый страшен,
И не проходит ночи или дня,
Чтоб я был синяком не разукрашен.

Враги кидают в лоб, друзья с боков,
А близкие друзья кидают сзади,
Уж если терпишь камни от врагов,
Как от друзей не стерпишь дружбы ради.

«Читая классиков порой...»

Читая классиков порой,
Я занят странною игрой.
За мною будто по пятам
Мелькают тени тут и там.
Вот Данте в тысяче обличий
За кругом нарезает круг,
Но рядом с ним не Беатриче,
А Анна корчится от мук,
Пытаясь рассмотреть в глубинах,
За что её терзали сына.
Вот Мандельштама профиль гордый,
Портрет хорош, но где багет?
Похоже, вохровские морды
Лишь обрамляют силуэт.
А вот Маринина петля,
Не дай нам, господи, не для
Очередной души смятенной,
А чтобы в памяти нетленно
Она висела как зарок,
Что давности не вышел срок.
Вот Гамлет выскочил из пьесы
На мостовую, на скейтборд,
Перед Офелией, повеса,
Зигзаг выписывает, горд.
Еще папаши, крысы серой,
Он шпагой не пощупал плоть,
Но здесь Полониев без меры,
Не хватит шпаг, чтоб их колоть.
Вот с Бяликом по Кишиневу
Бреду, не вытирая слез,
Язык, немея, липнет к нёбу,
И кожу ежит от угроз.
Нет, классики не пали в Лету,
Они в подъезде и в метро,
Они нам не дают советов,
Но улыбаются хитро.
Их персонажи рядом с нами,
На жён Каренины ворчат,
Печорин пал в чеченской драме,
И джипы Чичиковых мчат.

«Бессонница. Гомер мне не идет на ум...»

Бессонница, Гомер, тугие паруса...
О. Мандельштам

Бессонница. Гомер мне не идет на ум,
И корабли считать – напрасная затея,
И моря Черного, увы, не слышен шум,
А слышен визг машин, пугающих злодеев.

Злодеям хоть бы что, они свое возьмут
И дальше побегут, такая их работа,
А мой будильник ждёт, как тать в эпоху смут,
Чтоб вдребезги разбить пришедшую дремоту.

«Бродя по улицам и бормоча стихи...»

«Господи!» – сказал я по ошибке...

О. Мандельштам

Бродя по улицам и бормоча стихи,
От гулких строк в восторге замирая,
Увидишь вдруг – бездонны и сухи
Глаза того, кто судьбами играет.

В них тьма и свет причудливый узор
Соткали в глубине тысячелетий.
И ты шепнешь в сердцах: «Все это вздор»
И вздрогнешь, как в прохладу на рассвете.

«Вишневый сад. И звуки топора...»

Вишневый сад. И звуки топора,
И мама возвращается с покупкой,
Мне снится дом, где рос, и до утра
Я – Чехов, наблюдающий за рубкой.

Пенсне мое туманится слегка,
Топор пирует в облаке из пыли,
«Постойте! – я кричу издалека,
Вы жизнь мою, как Фирса, там забыли!»

Вишневый сад – не драма, а комедь.
Пенсне мое всю дрожит от смеха,
И я слезе командую: не смей,
Ведь прошлое грядущему помеха.

Но лезет, негодяйка, на глаза.
Деревьев жаль, и дома жаль, и Фирса,
И занавес роняют небеса —
Как чисто я одной слезой умылся.

«Уходит, уходит поезд...»

Уходит, уходит поезд
Сегодня и каждый день,
А Галич все будит совесть,
А ей шевелится лень.

А совесть бурчит, что кризис,
Что денег нет на счету,
Про гипертонию и кризис,
Про пенсию и нищету,

А совесть ворчит про беды,
Каких я ещё не знал,
Кивает вбок на соседа,
Который вообще маргинал.

А совесть, как уж от палки,
Спешит уползти в нору,
И мне свою совесть жалко,
И я прекращаю игру.

Она так отважно боролась
За мой же уют и комфорт.
Но голос, проклятый голос
Мне яд добавляет в компот.

И нехотя, вял и упитан,
Казалось бы, неуязвим,
Всё пью ядовитый напиток
В надежде остаться живым.

Пройди свой путь...

Как лоб, набитый шишками, ни хмурь,
Как ни мечтай передохнуть в нирване,
Пройди свой путь от гамлетовских бурь
До фаустовских разочарований.

Ответь на тесты, душу теребя,
Что жизнь загадывает каждую минуту,
Узнай, что всё открыто до тебя,
И эту новость сообщи кому-то.

Тот не поймёт, и всё проверит сам,
И, убедившись, замолчит, как схимник.
Об этом узнаёшь по волосам,
Легко меняющим осенний цвет на зимний.

«Свободен он, свободен он, свободен...»

*Сможешь выйти на площадь
В тот назначенный час?*

А. Галич

Свободен он, свободен он, свободен!
А большинство, рукой сжимая грудь,
У входа в жизнь, как входа в храм Господень,
Толпится, дверь не смея распахнуть.

И, слушая его, преображаюсь,
Слеза порой прорвется на глаза,
И я его свободой заражаюсь
На миг, на два... на целых полчаса.

Но гаснет, гаснет звук, глухой и мощный,
Как крик на отдаленном берегу,
И ясно мне, что я уже на площадь
Наверно, все же выйти не смогу.

Не сотвори...

Я помню Пушкина – из зарослей волос
Глаза сверкали весело и дико.
Он был убит. Нет, нет, не надо слез,
Всегда Орфея губит Эвридика.

Я помню Блока. Мрачен и красив,
Вещал он с Башни городу и миру.
Увы, и он отдал немало сил
Прекрасной Даме – своему кумиру.

И Маяковский, изойдя на крик,
Простился с миром, улыбнувшись криво.
Не с миром, а точнее – с Лилей Брик,
Что б ни вещали дамы из архивов.

Лепя из глины идола себе,
Будь он из духа иль прекрасной плоти,
Не вредно помнить – он в твоей судьбе
Не круг спасательный, а крен на повороте.

Язычник, выбирая божество,
Как флорентиец выбрал Гений места,
Не жди такой же жертвы от него.
Двум жертвам в мире холодно и тесно.

«Дверь – рамка твоего портрета...»

Г. Б.

Дверь – рамка твоего портрета,
Ты отошла – портрета нету,
Но вот ты появилась снова,
И вижу я портрет готовым.

Так, без мольберта и холста,
Рисую тысячи этюдов,
И в каждом ты чуть-чуть не та,
И в каждом ты – немножко чудо.

«Есть между сном и явью...»

Есть между сном и явью
Нейтральная земля,
На ней по разнотравью
Гуляем ты и я.

Соединили руки
И ловим взглядом взгляд,
Забыли про недуги,
Не ведаем про ад,

Не то чтобы порхаем,
Живем, как наяву,
Но жизнь свою не хаем,
Смакуем, как халву.

Сачком снимая тучи,
Чтоб солнце било в глаз,
Божок – счастливый случай
Оберегает нас.

Из той земли нейтральной
Опять бы рухнуть в сон,
Но путь сакраментальный
Нам предопределён,

Как всякое рождение —
Мучительный процесс,
Приходит пробуждение —
Изгнание с небес.

«Как хорошо, когда в доме тепло...»

Как хорошо, когда в доме тепло,
Дымкой слегка запотело стекло,
Мягкий, как женские руки, халат
Обнял меня от макушек до пят,

Чайника маленький шумный вулкан
Я укрошу, наливая в стакан
Дышащий паром бурлящий поток,
Мне обещающий теплый глоток.

Спрятанный под псевдонимом «Ахмад»,
Чай мне подарит густой аромат,
Ломтик лимона своим янтарем
Спорит с угрюмым седым январем.

Нету камина. Ну что ж, не беда,
Тихо журчит в батарее вода,
Книга в руках. На бульварах страниц
Бродят десятки приветливых лиц.

Взгляд их лукав. Приподняв котелки,
Мне они в строчках расставят силки.
Но ничего, я нащупаю след
И разгадаю нехитрый секрет.

Будет мне лучшей из лучших наград
Автора разочарованный взгляд.
Книга закрыта. Закат догорел.
Вот я ещё на денек постарел.

«Как хорошо, когда дома жена...»

Как хорошо, когда дома жена.
Там, за дверьми, остается страна
С битвами насмерть за лишний кусок,
Грязная, словно солдатский носок,

С матом, сменившим нормальную речь,
С дымом табачным, свисающим с плеч,
С транспортом, полным усталых рабов,
Злых до оскала несвежих зубов.

Двери закрыты. Пушистый зверек
Вертится возле натруженных ног,
Хочет сказать, что скучал без меня
Целых три четверти долгого дня.

Стол небогат, но накрыт от души.
Сядь, посиди, никуда не спеши.
В зеркало лучше пока не смотри —
Дай отстояться осадку внутри.

Стихнут обиды, уймется азарт.
Что за окном там – январь или март?
Пусть не торопится та, что с клюкой.
Дома жена. Значит – мир и покой.

«На улицах, заснеженных и скользких...»

Г. Б.

На улицах, заснеженных и скользких,
Я у снежинок спрашивал слова,
Чтоб заменили золотые кольца,
И чтоб от них кружилась голова.

Снег был предупредителен и млечен,
Как будто шел из Млечного пути,
Он, извиняясь, падал мне на плечи
И, тихо тая, говорил: «Прости».

На стеклах, разукрашенных морозом,
Искал я завитушки нежных фраз,
Но стекла говорили скучной прозой,
Совсем не нужной мне на этот раз.

И понял я – мне не найти ни слова,
Что я тебе еще не говорил.
Ну что же делать, повторю их снова,
Как будто я их только сотворил.

«На свете счастья нет», – поведал Пушкин,
И это может повторить любой.
Но я-то знаю, пододвинь-ка ушки,
Что счастье – это просто быть с тобой!

«Самолёты падают...»

Самолёты падают,
Рвётся колея,
Каждый час наградою,
Когда ты и я,
Когда руки встречены,
И по ним тепло
Струйкой незамеченной
Медленно текло,
Когда нет желания
Звоном слов-шумих
Разбивать молчания
Драгоценный миг.

«Тебе, моей бессмертной музе...»

Тебе, моей бессмертной музе,
Дарю сей скромный фолиант.
Бильярдный шар стремится к лузе,
Иссякнет жизнь, а с ней талант,
Но напечатанные строчки
Не сразу превратятся в прах,
Покажешь сыну или дочке,
И внучка с внуком скажут: «Ах!»
А может, не промолвят слова,
Иль бросят: «Горе от ума».
Тогда ты перечти их снова.
Поговори со мной. Сама.

«Давай постоим-ка с тобой как лошади...»

Давай постоим-ка с тобой как лошади,
Положим друг другу на плечи лицо,
И станет от этого легче нам ноша ли,
Не так уже важно, в конце-то концов.

Давай-ка посмотрим друг другу за спины мы,
Увидим дороги из прожитых дней,
Наверно они нам покажутся длинными,
Хоть часто бывают дороги длинней.

Вон, видишь, бежим, друг о друге не ведая,
Минуты и дни собирая в года,
И часто без сна, и порой не обедая,
Спешим, не совсем понимая куда.

А время проносится легкою бричкою,
И вот уже наши дороги в пути
Сплелись, как веревочки в детстве, косичками,
Которые трудно потом расплести.

И времени снегом они запорошены,
Уже не увидишь того огольца.
Давай постоим-ка с тобою, как лошади,
Чуть-чуть отдохнем и пойдем до конца.

Снег...

В пелене из белых мух
Город спрятал свой досуг,
В ней от граждан утаив
И коварство, и наив.

В ней он замаскировал,
Как он жил и горевал,
Как скрывался от невзгод
День, неделю, месяц, год.

Белой стала пустота,
Спрыгнув с белого листа,
И, как этот белый лист,
Город стал умыт и чист.

Осеннее

Только лужи среди стужи
Чувствуют себя уключе,
Возлежа не без комфорта
В середине натюрморта.

Полуголые березы,
Претерпев метаморфозы,
Деревянно смотрят сны
До весны...

Ни вражды, ни дрязг, ни ссоры,
Ель березе – как сестра,
Их под ветром разговоры
Можно слушать до утра.

Тишина. Не слышно птицы.
Замолчать, угомониться,
Раствориться в пустоте,
Как монетка в кислоте.

И сквозь эту пустоту
Вниз смотреть на суету,
Улыбаясь сквозь листву
Снам, пришедшим наяву.

«Дождь. Мокрые кусты...»

Дождь. Мокрые кусты.
И мы промокли с вами.
Напрасно шелк-зонты
Висят над головами.

Попав под звонкий душ,
Мы станем чуть моложе,
Он смое с наших душ,
Что время смыть не может.

Он смое суету
И обожженность взгляда,
Нас приравняв к кусту,
Что мокнет с нами рядом.

Ветер

Зелено-желтым парусом волос
Береза ловит ветер от залива,
И ветер этот к парусу прирос,
Его перебирая шаловливо.

Вот так, наверно, вертится земля
От парусов берез, ловящих ветер,
Потом в работу вступят тополя,
Чей пух весной так невесом и светел,

А там, глядишь, и голубая ель,
Мохнатых веток распахнув объятья,
Поймает в них летящую метель,
Надев при этом свадебное платье.

Земля от ветра не изменит путь,
На смену зимам в срок приходят весны,
Но всё же сможет чуть передохнуть,
Как раб галерный, опустивший весла.

«Парк из зеленого почти без перехода...»

Парк из зеленого почти без перехода —
В багрово-желтый, источать печаль.
А мне сюда как будто нету входа,
За то, что так давно не замечал.

Я проберусь, как ловкий вор-домушник,
Не сдвину ветку, не сомну траву
И, равновесья в мире не нарушив,
Увижу сон, но днем и наяву.

Замру, занедьшу, завосхищаюсь,
Забормочу стихами наугад.
То, что наплыло, выразить отчаюсь,
Кляня язык, хоть он не виноват.

Весна

Природа разлепляет веки,
И, несмотря на холода,
Растут упрямые побеги,
Собой скрывая провода.

Зеленым плещется по глазу
Во двор открытое окно,
И воздух действует на разум,
Как некрепленное вино.

Назло всему трава газона,
Рванувшись вверх, на свет из тьмы,
На нас тарашится влюбленно,
Как будто не было зимы,

Лед не стеклил окошки лужиц,
Снег не шершавил кожу щек,
И проклинаешь неуклюжесть
Походки, мнущей зелень строк.

Ожидание

Лохмотья льда на мерзнущей Неве
Лежат, не тая под лучами солнца,
Как будто кто-то, прячась в синеве,
Льду пригрозил: «А ну, попробуй тронься...»

Прозрачный воздух холодит щеку,
Напоминая о недавнем снеге,
Весна готовится к последнему броску
И делает короткие набег.

Её заждались почки на ветвях,
Глаза заждались, алчущие света,
Она обещана, и мир уже размяк,
Весь в ожидании грядущего расцвета.

Ветер Истории

То ли косвенно, то ли прямо,
Род веду я из тьмы времен,
От Давида и Авраама,
А отца зовут Соломон.

Из-под стен Иерусалима
Пращур мой покидал страну,
Чтобы от легионов Рима
Уберечь детей и жену.

То-то ржали солдаты Тита
И плевались через плечо,
Когда предок мой на иврите
Крыл их матом, а чем же еще...

А потом, не в шелка одеты,
Часто битые по лицу,
Мои прадеды жили в гетто
И жевали свою мацу.

Запираясь в подвале дома
И скрываясь на чердаках,
Чудом выжили при погромах
И детей спасли на руках.

А в войну, соседи сказали,
Неодетыми, на ветру,
Деда с бабушкой расстреляли
В нашем местном Бабьем Яру.

Был в степи я, в пустыне, в море,
На семи был продут ветрах,
Но, как дует ветер Истории,
Я не чувствовал, вертопрах.

Лишь порою от лиц еврейских,
На которых морщин не счесть,
Вдруг повеет чем-то библейским.
Может быть, это он и есть?

Афро-азиатский разлом

Разлом. Обнажена натура.
Не до серёдки. Только часть.
Но, перепуганная дура,
Душонка к пяткам понеслась.

Потом вернулась в мозг и сердце,
Туда, где ей пристало быть,
Чтоб захлебнуться, насмотреться,
Да так, чтоб ежедневный быт

Не заслонил, не стёр из глаза
Располовиненность Земли,
Где в сюр въезжаешь без салазок
И без напутствия Дали.

Ты на краю. И все молитвы
Не вверх, а вниз: «Не упади...»
И режут ноги камни-бритвы,
И дрожь в коленках и груди.

Исчезли суетность и вечность,
Казалось, много лет и дней
Стою и слушаю извечность,
Не зная, что ответить ей.

Иерусалим...

Почти что как на поле битвы,
Где плоть рождает стон и вздох,
Летят, летят, летят молитвы
К тому, кого назвали Бог.

Истово, руки сжав до боли,
Шепча какой-то тихий бред,
Едва не позабыв о Боге,
Не зная, есть он или нет,

Нырнув в себя, как в мутный омут,
Без или с пядями во лбу,
Молились сапиенсы гомо,
Пытаясь вымолить судьбу,

Вздыхали горестно и тяжело,
Искали нужные слова
В надежде выпросить поблажку
И снисхожденье божества.

И отходили облегченно,
Как будто сбросив камень с плеч,
Опять вливаясь полусонно
Туда, где продолжает течь

Жизнь, суетлива и бездумна,
Где, как мишень, любой висок,
Где судьбы лопаются шумно
В борьбе за лакомый кусок.

На доньшке Земли

Ты помнишь – мы идем по дну разлома,
Бредем почти по доньшку Земли,
В немыслимой дали от всех и дома,
И ноги наши в вековой пыли.

На склоне справа – домик бедуинов,
К шесту привязан бедуинский конь,
И солнцем обезвоженная глина
Ступни нам обжигает, как огонь.

Кто брёл до нас по этой каменистой
Тропе, ведущей не поймешь куда?
Быть может, Павел, темен и неистов,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.